

**ПРАКТИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ И. КАНТА
И Э. ГУССЕРЛЯ**

А. В. Лаврухин*

Рассмотрена проблема согласования априорного и эмпирического измерений свободы, воления и поступка как ключевого момента для понимания специфики взаимосвязи между теоретическим и практическим разумом в практической философии И. Канта и Э. Гуссерля. Опираясь на разъяснение характера взаимосвязи между трансцендентальной и практической свободой в практической философии И. Канта, автор проблематизирует кантовский тезис о примате практического разума. Данная проблематизация является отправным пунктом и лейтмотивом анализа специфики переосмысления идей, предпосылок и проблем практической философии Канта в первом проекте практической философии Э. Гуссерля (научной этике). В ходе сравнительного анализа автор выявляет ряд терминологических и концептуальных сходств и различий с практической философией И. Канта. Одним из результатов сравнительного анализа стало выявление ряда принципов и предпосылок, объединяющих проекты практической философии обоих мыслителей, таких как сходное понимание характера взаимосвязи теоретического и практического разума; принцип «чистоты» разума и обязательности *a priori*; идея параллелизма логики и этики; принцип взаимодействия воления и разума; определяющая роль категорического императива. В то же время автор приходит к выводу о необходимости проводить ряд различий, существенных для адекватного понимания позиций мыслителей, а именно: между трансценденталистской установкой Канта и феноменологической дескриптивной установкой раннего Гуссерля, между *a priori* чистого разума и формально-материальными *a priori*, между разумным волением и телесными актами воли, между абсолютной и относительной обязательностью категорического императива. При этом в фокусе анализа неизменно остается открытым вопрос о том, как примирить априорное, обязательное и наилучшее благо с конкретной, практической ситуацией выбора.

Ключевые слова: трансцендентальная и практическая свобода, категорический императив, научная этика, материальные априори.

На протяжении всего творческого пути у Эдмунда Гуссерля не было собеседника более влиятельного, постоянного и

* Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук
Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 192171, Санкт-Петербург, ул. Седова, 55, корп. 2, комн. 319.
Поступила в редакцию: 05.04.2017 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2017-3-4
© Лаврухин А. В., 2017

провокативного, чем Иммануил Кант. О влиянии теоретической философии И. Канта на феноменологию Э. Гуссерля в мировой и отечественной литературе написано немало¹. В то же время мы найдем совсем немного исследований, посвященных сравнительному анализу их практической философии в зарубежной² и тем более в отечественной литературе³. Далеко не в последнюю очередь это связано с историей опубликования гуссерлевских манускриптов по практической философии. Несмотря на то что интерес у Гуссерля к этой проблематике пробудился еще во время обучения у Франца Brentano⁴, а его первые самостоятельные опыты в этом направлении относятся к 1889—1890 гг.⁵, публикация довольно многочисленных манускриптов Гуссерля по этике осуществилась лишь спустя 100 лет⁶. Данная работа призвана способствовать восполнению дефицита интерпретативной литературы по указанной проблематике. Учитывая ее масштабность, сложность и многогранность, внимание здесь будет сосредоточено на раннем проекте практической философии Э. Гуссерля (так называемой научной этике) и одной проблеме, в равной мере существенной для обоих мыслителей, согласования априорного и эмпирического измерений свободы, волеия и поступка, что, в свою очередь, является определяющим для понимания характера взаимосвязи между теоретическим и практическим разумом, теоретической и практической философией.

Практическая и трансцендентальная свобода в практической философии И. Канта

Практическая философия Канта представлена в трех фундаментальных произведениях — «Основание метафизики нравов» (1785), «Критика практического разума» (1788) и «Метафизика нравов» (1797), а также в ряде

¹ Молчанов, 1998; Рикер, 1998; Kern, 1964; Morrison, 1978 и др.

² Cobet, 2003; Funke, 1983; Grondin, 2000; Rinofer-Kreidl, 2010.

³ Эта тема затрагивается лишь частично в обзорных историях этических учений, таких как, например, (Гусейнов, 2003).

⁴ Как свидетельствует в своей *Husserl-Chronik* Карл Шуманн, в 1884/85—1886 гг. во время своего обучения у Brentano Гуссерль на протяжении всех четырех семестров прослушал довольно большую лекцию по практической философии (Schuhmann, 1981, p. 13,15).

⁵ Речь здесь идет о ранних лекциях Гуссерля по этике, первая из которых была подготовлена и заявлена приват-доцентом Эдмундом Гуссерлем в 1889/1890 г. в университете Халле. Однако ему пришлось отказаться от их проведения, поскольку прослушать ее согласились всего лишь два студента. Остальные, уже состоявшиеся, лекции по этике были прочитаны Гуссерлем в летние семестры 1891, 1893, 1894, 1895 и 1897 гг. (см.: Schuhmann, 1981, p. 24, 30, 35, 41, 45, 51). К сожалению, в архивах Гуссерля тексты этих лекций не сохранились. От них осталось лишь несколько фрагментов, в одном из которых содержится вводная часть лекции «Этика и философия права», прочитанной Гуссерлем в летний семестр 1897 г.

⁶ Ранние лекции Гуссерля по этике, учению о ценностях и практической философии опубликованы в 1988 г. в XXVIII томе Гуссерлианы (Husserl, 1988). Работы более позднего периода, в которых Гуссерлем развивается новая концепция практической философии, связанная с обоснованием идеи «обновления» (*Erneuerung*), опубликованы в XXVII томе Гуссерлианы. Примечательно, что наиболее важные работы этого тома (три статьи об обновлении европейского человечества и культуры) были опубликованы на 60 с лишним лет ранее (в 1923/1924 г.) в японском журнале *The Kaizo* (*Обновление*), вследствие чего в интерпретативной литературе они получили название *Kaizo-статьи* (*Kaizo-Artikel*).

отдельных работ по этике и политике⁷. Все эти работы были написаны после «Критики чистого разума» (1781), где Кант обосновал иерархию способов применения разума, согласно которой рассудок — низшая ступень разума, ограничивающегося в своем применении сферой опыта, а чистый теоретический разум, способный заниматься трансцендентальным познанием⁸, — высшей его ступенью. Однако, несмотря на это, Кант утверждает примат чистого практического разума, оговаривая, правда, одно важное условие: «Следовательно, при соединении чистого спекулятивного разума с чистым практическим в одно познание чистому практическому разуму принадлежит *примат*, если предположить, что это соединение не *случайное* и произвольное, а основанное *a priori* на самом разуме, стало быть, *необходимое*» (Кант, 1997а, с. 615). На этом основании некоторые интерпретаторы и исследователи кантовской философии склонны упрощать кантовский тезис о примате практического разума над теоретическим, соответственно, практической философии над теоретической, аргументируя это тем, что моральный закон как абсолютная идея свободы являет собой для практического разума то «аксиоматическое основание», на котором зиждется свободное («абсолютно спонтанное») начало разума как такового⁹. Между тем кантовское рассмотрение вопроса о свободе — центрального для понимания всей его практической философии — с очевидностью свидетельствует о неоднозначном понимании взаимосвязи между теоретическим и практическим разумом (соответственно, теоретической и практической философией).

Чтобы убедиться в этом, обратимся к определениям свободы в космологическом (так называемая космологическая свобода) и трансцендентальном смыслах (так называемая трансцендентальная свобода). В «Критике чистого разума» Кант дает такое определение понятию «космологической

⁷ Как справедливо замечает А. А. Гусейнов, «большинство кантовских работ по практической философии опубликованы на русском языке, причем в разных переводах» (Гусейнов, 2003, с. 651): «Основание метафизики нравов» (пер. Л. Д. П. под ред. В. М. Хвостова, уточненный А. П. Скрипником), «Критика практического разума» (пер. Н. М. Соколова, уточненный Ц. Г. Арзаканьяном), «Лекции по этике» (общ. ред., сост., вступ. ст. А. Л. Гусейнова), «Метафизика нравов» (в пер. С. Я. Шейнман-Топштейн и Ц. Г. Арзаканьяна). Мы же будем в основном ориентироваться на издания на русском и немецком языках: (Кант, 2006), (Кант, 1997), (Кант, 1997а), которые позволяют видеть оригинальную версию обоих изданий «Критики чистого разума» и сопоставлять ее с русским переводом.

⁸ «Я называю трансцендентальным всякое познание, занимающееся вообще не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным *a priori*» (Кант, 2006, с. 79).

⁹ Например, Г. Н. Мехед в статье «Мораль как абсолютный предел разума в этике И. Канта» формулирует такое понимание следующим образом: «И таким абсолютным в философии Канта является моральный закон как выражение идеи свободы. Это та начальная точка, с которой начинается вообще всякое мышление, она — граница разума, предел постижимости для разума как его собственное аксиоматическое основание. Это ядро, центр масс, вокруг которого будет сформирована вся структура трансцендентального субъекта. Все остальное, включая и “Критику чистого разума”, по сути, носит вспомогательный характер. С теоретической точки зрения Кант шел не от гносеологии к этике, как это может показаться по хронологии его работ, а в обратном направлении — от этики к гносеологии, от нравственно-законного к звездному небу. Таким образом, всю философию Канта можно охарактеризовать как грандиозную попытку обоснования необосновываемости морали, обоснования морали как абсолютного предела разума» (Мехед, 2014, с. 19).

свободы»: «...под свободой в космологическом смысле я разумею способность *самопроизвольно* начинать некоторое состояние; следовательно, каузальность свободы со своей стороны не подчинена по закону природы другой причине, которая определяла бы ее во времени. Свобода в этом значении есть чистая трансцендентальная идея: она, во-первых, не содержит в себе ничего заимствованного из опыта, и, во-вторых, предмет ее не может быть дан ни в каком опыте... В высшей степени примечательно, что практическое понятие свободы основывается на этой *трансцендентальной* идее *свободы*» (Кант, 2006, с. 697). Как видим, в этом определении для практической свободы конститутивным является трансцендентальное измерение — «чисто трансцендентальная идея», которая постигается чистым теоретическим разумом как «особый смысл каузальности» (Кант, 2006, с. 597—599). И это далеко не случайно — параллельно определению свободы в космологическом смысле Кант дает определение свободы в трансцендентальном: «...трансцендентальная свобода требует независимости самого этого разума (в отношении его каузальности, призванной начинать ряд явлений) от всех определяющих причин чувственно воспринимаемого мира...» (Кант, 2006, с. 1009). Тем самым Кант недвусмысленно утверждает приоритет трансцендентальной свободы над свободой практической: «В высшей степени примечательно, что практическое понятие свободы основывается на этой *трансцендентальной* идее *свободы*... Легко видеть: если бы всякая каузальность в чувственно воспринимаемом мире была только природой, то всякое событие определялось бы другим событием во времени по необходимым законам; и так как явления, поскольку они определяют произвольное действие, должны были бы делать всякое действие необходимым как свой естественный результат, то, стало быть, упразднение трансцендентальной свободы вместе с тем уничтожило бы всякую практическую свободу» (Кант, 2006, с. 697—699). Таким образом, в обоих определениях свободы — космологическом и трансцендентальном — условием возможности практической свободы является трансцендентальная свобода, а значит, и то трансцендентальное измерение, которое обнаруживает, изучает и удерживает в поле зрения прежде всего чистый теоретический разум.

В контексте нашего вопроса о соотношении теоретического и практического разума это означает, что практический разум сам по себе, без помощи теоретического не в состоянии отдавать отчет в своих собственных трансцендентальных предпосылках и основаниях. Он не может начать свою «работу» без понимания трансцендентальной свободы, являющейся для него исходным сверхэмпирическим «фактом». Теоретический разум в ходе критики чистого разума прокладывает практическому разуму дорогу к пониманию его собственных *a priori* и достигает необходимой «чистоты» (в данном случае чистоты свободы, понятой в трансцендентальном смысле), которая является условием возможности ясного («чистого») понимания практическим разумом своей собственной свободы.

Автономия воли, трансцендентальная свобода и чистый разум

Для усиления аргументации данного тезиса имеет смысл обратиться к понятию «автономии воли», которое Кант дает в «Основоположении метафизики нравов». Это понятие важно для рассмотрения нашего вопроса тем, что в нем речь идет уже не о чистом разуме, но о чистой воле, которая, будучи автономной, предписывает самой себе закон (категорический им-

ператив): «Автономия воли есть такое свойство воли, благодаря которому она сама для себя является законом (независимо от каких бы то ни было свойств предметов воления)» (Кант, 1997, с. 205). Здесь возникает вопрос, в какой мере чистый разум участвует в этом чистом волении? Если мы переформулируем этот вопрос в контексте рассмотренного выше понятия свободы, то он получит следующий вид: «В какой мере трансцендентальная свобода “участвует” в этом чистом волении?» Кант дает однозначный ответ на этот вопрос — чистое воление автономной воли является позитивной стороной трансцендентальной свободы, благодаря которой разум и выступает в своей законодательной функции (то есть в качестве автономии), утверждая категорический императив. В «Критике чистого разума» мы находим следующий тезис: «Свобода в практическом смысле есть независимость произволения (Willkür) от *понуждения* со стороны импульсов чувственности» (Кант, 2006, с. 697). При этом важно понимать, что «импульсы чувственности», по Канту, исходят не только от пространственно протяженных предметов и явлений внешнего мира, но и от «предметов» «внутреннего чувства» — тех состояний сознания и воли, которые субъект фиксирует в процессе интроспекции и саморефлексии и которые имеют свою темпоральную структуру¹⁰. Именно поэтому Кант пишет о лишенной свободы «патологической аффектации произволения»: «В самом деле, произвольное носит *чувственный характер*, поскольку оно аффицируется *патологически* (мотивам чувственности)...» (Кант, 2006, с. 697). И когда далее в этом фрагменте речь идет о том, что «человеку присуща способность самопроизвольно определять себя независимо от принуждения со стороны чувственных побуждений», то есть становиться свободной и автономной, это означает лишь одно: воля нуждается в постоянном очищении разумом от внешних и внутренних «импульсов чувственности».

О первостепенной роли чистого разума в этом непрерывном процессе «очищения» и «вразумления» воли говорит и то различие, которое Кант проводит между произволением (Willkür) и волением (Willen). Именно чистый разум не дает воле деградировать к патологическому произволению и позволяет ей утверждать автономию и закон, а не гетерономию и максимы: «От воления (Willen) происходят законы; от произволения (Willkür) — максимы» (Кант, 2014, с. 77; AA, VI, S. 226). Отсюда понятно, что разум определяет и «вразумляет» волю целиком и полностью (как негативно, так и позитивно), а чистое воление автономной воли невозможно без трансцендентальной свободы, обнаруживаемой и удерживаемой усилиями чистого разума. Это и является основанием для констатаций тождественности доброй воли и долга (при этом в кантовской модели нет морально индифферентных актов законной, автономной, разумной воли).

Примат практического разума?

Подводя итог разъяснению вопроса о согласовании априорного и эмпирического измерений свободы, воления и поступка, соответственно, соотношения теоретического и практического разума, теоретической и прак-

¹⁰ «Внутреннее чувство, посредством которого душа созерцает самое себя или свое внутреннее состояние, не дает, правда, созерцания самой души как объекта, однако это есть определенная форма, при которой единственно возможно созерцание ее внутреннего состояния, так что все, что принадлежит к внутренним определениям, представляется во временных отношениях» (Кант, 2006, с. 93).

тической философии Канта, констатируем, что утвержденный Кантом примат практического разума над теоретическим не так прост, как кажется на первый взгляд. В определенном смысле теоретический разум всегда сохраняет свое когнитивное и онтологическое преимущество перед разумом практическим. Даже несмотря на то, что практический разум впервые позволяет человеку изъять себя как личность из природной детерминации и осуществить невозможный для теоретического разума прорыв в ноуменальный мир, где свободное автономное волеизъявление становится первоначалом принципиально нового ряда поступков и событий («причинность посредством свободы»), само это разумное воление оказывается возможным только благодаря первичной автономии разума, утверждающего трансцендентальную свободу. Поэтому теоретический разум «помогает» практическому разуму достичь необходимой «чистоты» и обрести автономию, а также позволяет удерживать необходимую для него теоретическую оптику, благодаря которой тот распознает «проблематические идеи», тем самым придавая воле ту разумность и очевидную обязательность, благодаря которой становится возможным рациональное поступление согласно требованиям категорического императива. В этом смысле далеко не случайно, что задачу обоснования этики Кант ставит в зависимость от решения вопроса о том, каким образом категорический императив возможен в качестве синтетического суждения а priori, то есть рассматривает ее как «стандартную» задачу теоретического разума в применении к этике и практической сфере (Кант, 1997, с. 219).

Фундированность практической свободы трансцендентальной свободой и неоднозначность кантовского тезиса о примате практического разума¹¹ породили ряд вопросов, которые стали вызовом для многих мыслителей и инициировали целый ряд философских проектов, предлагающих самые разные варианты их решения. Мы сосредоточим свое внимание на одном из них — феноменологическом проекте практической философии Эдмунда Гуссерля.

Идея параллелизма логики и этики в практической философии Гуссерля

Прежде чем перейти к анализу гуссерлевского переосмысления идей, предпосылок и проблем практической философии Канта, необходимо отметить, что само это переосмысление имело свою историю.

Как уже было сказано ранее, критическое обращение Гуссерля к практической философии Канта обусловлено его ученичеством у Ф. Brentano. В практической философии Гуссерля переклички с Brentanoвской критикой Канта очевидны. В то же время нельзя утверждать, будто гуссерлевские критика и переосмысление практической философии Канта осуществляются исключительно в направлении, заданном его учителем Ф. Brentano. В этом переосмыслении, как и в самой истории формирования и развития гуссерлевского проекта практической философии, можно выделить, как

¹¹ Кант сам признает это затруднение: «...именно она (трансцендентальная идея свободы. — А.Л.) составляет настоящий камень преткновения для философии, которая испытывает непреодолимые трудности, допуская такого рода безусловную каузальность» (Кант, 2006, с. 599–601).

минимум, два этапа. К первому относятся ранние манускрипты Гуссерля, написанные в период с 1890-х гг. по 1917 г., которые связаны с развитием концепции *научной этики*. Второй этап обусловлен разработкой концепции *эмпирической*, или *универсальной, этики* и к нему относятся работы, написанные Гуссерлем в период с 1914 по 1936 г. Здесь мы сосредоточим наше внимание на первом периоде и ограничимся сравнительным анализом с концепцией научной этики.

В одном из самых ранних фрагментов введения к лекции «Этика и философия права» (1897) Гуссерль определяет этику (Husserl, 1988, p. 384) так же, как логику в «Логических исследованиях» (Husserl, 1975, § 11), а именно: в качестве нормативной дисциплины, то есть общей системы универсальных, априорных теоретических положений (в логике — «законов», в этике — «высших целей»), и в качестве дисциплины, регламентирующей *практическое применение* норм и правил, с помощью которых можно достичь этих целей. В 1902–1908/09 гг., то есть в период между лекциями по этике, Гуссерль преимущественно занимался феноменологической критикой логического разума. Но уже тогда для него было очевидно, что научное обоснование логики и этики должно осуществляться одновременно, по мере решения одной главной задачи — разработки универсальной феноменологической концепции разума, деятельность которого подразумевает как теоретическую, так и практическую составляющую. При этом и в терминологии («критика», «чистая логика», «чистая этика», «априорные принципы»), и в ключевых интенциях (проект универсальной концепции разума, установка на очищение от эмпирики, координация критики теоретического и практического разума, идея параллелизма логики и этики) отчетливо ощущается влияние Канта¹².

В лекции по этике 1914 г. идея параллелизма логики и этики приобретает наиболее ясную и отчетливую форму. Исходным здесь является тезис о координации трех философских идей — истины, добра и красоты, и, в согласии с этим, утверждается параллелизм трех нормативных дисциплин: логики, этики и эстетики. Этика, точно так же, как и логика, должна вновь обрести свою собственную почву и стать «системой абсолютных и чистых принципов практического разума... которые, будучи освобождены от каких бы то ни было связей с эмпирическим человеком и его эмпирических отношений, тем не менее должны выполнять функцию абсолютного нормативного мерил, регулирующего все человеческое поведение» (Husserl, 1988, p. 11). В связи с этим Гуссерль ставит перед собой задачу разработать формальную этику как априорную науку.

¹² В лекциях по логике и теории познания 1906/07 г. Гуссерль пишет: «Если мы заменим чистую логику чистой этикой, чистой эстетикой и вообще чистым учением о ценностях, то есть дисциплинами, понятия которых определяются с аналогичной чистой логике строгостью и в отличие от какой бы то ни было эмпирической и материальной морали, то теории познания или критике теоретического разума будет соответствовать критика практического, оценивающего разума вообще, которая характеризуется проблемами и трудностями аналогичными проблемам и трудностям, присущим теории познания» (Husserl, 1985, p. 381). Идею аналогии между этикой и логикой Кант высказывает в «Лекциях по этике». О связи логики и этики в практической философии Канта см.: (Patzig, 1971, p. 101–127).

Формальная практика, формальная аксиология и тезис о преимуществе логики над этикой

Стоит, правда, отметить, что гуссерлевское понимание а priori не тождественно кантовскому, как и вводимое им различие между аналитическими и синтетическими суждениями¹³. Влияние Канта здесь, скорее, имеет опосредованный характер: Гуссерль, вслед за Кантом, озадачивается ключевой для практической философии проблемой взаимосвязи между чистым формальным требованием, с одной стороны, и эмпирическим — с другой. В этом контексте и появляется концепция так называемых *материальных априори*, которые, по замыслу Гуссерля, как раз и должны были стать связующим звеном между априорным (чистым) и эмпирическим (практическим) уровнями. С этой целью этический опыт и сфера этики рассматриваются в качестве экзemplярной почвы для феноменологического анализа формальных, априорных законов, лежащих в основании всей практической жизнедеятельности человека. Практику, или практическую предметную область, которая должна быть «добыта» в результате феноменологических поисков, Гуссерль обозначает термином «формальная практика»: «...логике, понятой в узком и вполне определенном смысле — как формальной логике — в качестве параллельной должна соответствовать понятая в аналогичном смысле формальная, априорная практика» (Husserl, 1986, p. 3).

В свою очередь, идея *формальной практики* предполагает существование формальной априорной дисциплины — *формальной аксиологии* (Husserl, 1986, p. 4, 47). Примечательно, что изучением формальной практики должна заниматься аксиология (то есть учение о ценностях). Понятия ценности и ценностных актов играют ключевую роль для обоснования научной этики и практической философии Гуссерля в целом. При этом ценность рассматривается в предельно широком смысле — как этическая, эстетическая, волевая, а практический разум, по сути, отождествляется с разумом аксиологическим (Husserl, 1986, p. 4). Очевидно, что Гуссерль опирался не только на кантианское наследие в этом вопросе¹⁴ и довел разработку ценностного сознания до качественно нового уровня (создав по сути новую дисциплину — формальную аксиологию). Тем не менее, как убедительно показал Л.Н. Столович¹⁵, не учитывать вклад Канта в разработку понятия ценности нет никаких оснований. В конечном итоге, по замыслу Гуссерля, должна быть создана новая дисциплина — так называемая *полная этика* (volle Ethik), в состав которой войдут не только аксиология, но любая возможная наука, занимающаяся изучением практической деятельности человека (Husserl, 1986, p. 3–69).

При этом необходимым условием успешности реализации этого проекта, в понимании Гуссерля, является ориентация на логику как на наиболее успешную науку, оказавшуюся способной достичь необходимой чистоты теоретического интереса: «...подлинная и строгая наука проистекает из теоретического интереса и достигает в своем развитии тем больших вершин, чем чище теоретический интерес» (Husserl, 1988, p. 346). На этом ос-

¹³ Как было показано в другой работе (Лаврухин, 2004, с. 15–17), гуссерлевское понимание аналитических и синтетических суждений ближе к пониманию Больцано, чем Канта.

¹⁴ См. (Кюнг, 1995) и (Писарчик, 2011).

¹⁵ См. (Столович, 2009).

новании Гуссерль констатирует, что доминирование теоретического разума позволяет одной практике трансформироваться в строгую науку (логику), а другой (этика и аксиология) — нет. Тем самым вопреки исходной идее аналогии Гуссерль приходит к тезису о преимуществе логики перед этикой и аксиологией: «Именно поэтому преимущество логики заключается в том, что ее можно определять как наукоучение по преимуществу» (Husserl, 1988, р. 346). Нетрудно заметить, что в основании этого преимущества лежит, как и в случае с Кантом, исходная предпосылка об универсальности и всеобщности теоретического разума: «Поле теоретического разума есть в самом широком смысле поле всех возможных объективаций, и это имеет всеобщий характер» (Husserl, 1988, р. 206). Здесь мы встречаемся также со знакомым описанием характера взаимодействия практического и теоретического разума: оценивающий и практический разум скрыт от самого себя — он становится объективированным и открытым себе благодаря актам теоретического познания (Husserl, 1988, р. 63).

Однако несмотря на очевидную близость к кантовской мысли, принципиальная новация Гуссерля состоит в том, что этот тезис он формулирует в новой оптике и в новых терминах феноменологического анализа актов сознания. С феноменологической точки зрения здесь имеет место взаимное дополнение «нередуцируемых родов» актов сознания в рамках «высшего рода “акт”» (Husserl, 1988, р. 62), когда некий универсальный род актов сознания способен охватить все его разновидности. Таким «родовым актом» сознания как раз и является логический разум, но уже не в формально-логическом, а в феноменологическом смысле — поскольку он способен выявить сущность всех актов прочих родов: «Универсальная действительность логического разума состоит в том, что она охватывает совокупную сферу познаваемого, то есть даже такого познаваемого, которое мы обозначаем как сущность видов разума» (Husserl, 1988, р. 61f). Гуссерль, в отличие от Канта, в ранней версии своей феноменологии не вводит трансцендентальное измерение сознания, но целиком и полностью опирается на опыт имманентной феноменологической дескрипции. Исходя из этого опыта он формулирует более конкретную, связанную с опытом исполнения актов сознания формулу взаимодействия актов теоретического (логического) и практического (этического) разума: в случае с практическим разумом имеют место необъективирующие акты, которые должны основываться на объективирующих актах, то есть на актах теоретического разума. На этом основании он формулирует тезис, который выводит нас напрямую к рассмотренной в первой части кантовской проблеме взаимосвязи разума и воления: «Познающее сознание есть одновременно сознание оценивающее и волящее» (Husserl, 1988, р. 174). Как мы помним, именно этот момент связи воления и разума, эмпирического и априорного остался для нас проблематичным. Удалось ли Гуссерлю справиться с этой проблемой?

Феноменологическое переосмысление категорического императива

Для рассмотрения этого вопроса нам стоит вернуться к категорическому императиву¹⁶, который не только лаконично формулирует суть этики и

¹⁶ Напомним примеры кантовских формулировок категорического императива по формуле «универсализации»: «Поступай так, чтобы максима твоей воли во всякое время могла бы иметь также и силу принципа всеобщего законодательства» (Кант, 1997а, с. 349); по формуле «природного закона»: «Поступай так, как если бы максима

практической философии Канта, но и является центральной этической проблемой феноменологического проекта Э. Гуссерля. Формулируя законы абсорбции и выбора¹⁷, Гуссерль, вслед за Brentano, пытается критически преодолеть формализм кантовского императива. Если «благо» рассматривать само по себе, то есть формально, то оно неизменно в своей благости и безусловно предпочтительно как предмет выбора. Но как только «благо» рассматривается в практическом измерении — как практическая возможность (выбора одного из многих благ) — становится невозможно рассматривать благо формально. В понимании Гуссерля, категорический императив возможен лишь в том случае, если мы признаем наличие «объективно замкнутой» практической сферы, когда действующее «Я» уже не способно выдвинуть свой волевой восторг «Да будет!» и не в состоянии расширить сферу своей жизнедеятельности, поскольку наталкивается на некое непреодолимое *a priori* (Husserl, 1988, p. 137). В качестве такого *a priori* должно было бы выступать некое универсальное, формальное правило, действенное в любой ситуации выбора, вне зависимости от тех или иных практических (материальных) обстоятельств в тот или иной момент времени. Однако, как справедливо отмечает Гуссерль, практическая ситуация выбора характеризуется открытостью и незавершенностью, поскольку оценивающе-волящий субъект не располагает заранее данным ответом или окончательным решением: «Всегда есть место для дальнейших взвешивающих размышлений (*Erwägung*)» (Husserl, 1988, p. 134).

Эта констатация дает основания некоторым исследователям утверждать, что в этике Гуссерля нет места «категорическому императиву», поскольку речь всегда идет лишь об «относительном должновании»¹⁸. Однако это не совсем так, поскольку, критикуя Канта в частности, Гуссерль солидарен с его позицией в главном: полностью отказаться от какого бы то ни было формального регулятива нельзя, ибо в противном случае появляется опасность случайного выбора, регресса в дурную бесконечность и скепсиса. Именно поэтому он оставляет в силе понятие «априорности» и «априорных законов»: «Как истина является объективной истиной на основании априорных законов, так красота, благо, совершенство, практическое должнование предписываются на основании априорных законов» (Кант, 1997а, с. 137). Таким образом, корректнее было бы утверждать, что гуссерлевская критика Канта подразумевает не отказ от категорического императива, но его переосмысление.

Суть этого переосмысления состоит в том, что, с одной стороны, Гуссерль отдает должное конструктивной критике в адрес Канта и признает, что принятие решения в конкретной ситуации требует от деятельного субъекта не столько послушания императиву, сколько креативности, умения сделать лучший выбор в той или иной ситуации. Именно поэтому для

твоего поведения по твоей воле должна была стать всеобщим законом природы...» (Кант, 1997, с. 145) и по формуле «самоцели»: «Поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству как в твоём лице, так и в лице всякого другого только как к средству, но всегда в то же время и как к цели» (Кант, 1997, с. 169).

¹⁷ Лаконичная формулировка аксиологического закона абсорбции звучит так: «В каждом выборе лучшее абсорбирует хорошее, а наилучшее — все остальное, взятое само по себе и для себя как в практическом отношении оцениваемое в качестве хорошего» (Husserl, 1988, p. 136).

¹⁸ Такого мнения придерживается, например, К. Шпан (Spahn, 1996, p. 104).

него гораздо важнее не рациональное понимание формального должного, но способность интуитивно выбирать и утверждать лучшее из того, что имеет место в конкретной жизненной ситуации. Такую способность Гуссерль, вслед за Кантом, называет «доброй волей», и для него нет ничего лучше и ценнее доброй воли (Husserl, 1988, p. 357). Однако, с другой стороны, он понимает, что утвердить ценность — стать доброй — воля не может путем интуитивного, иррационального воления, поскольку волевое решение должно быть еще и разумным. Добрая воля — это воля, которая правильно исполняется в разумном, проицательном волении (*einsichtiges Wollen*), подобно тому, как истинное положение высказывается только в случае правильного исполнения акта суждения (Husserl, 1988, p. 148). Наилучшей является проицательная воля, в случае с которой «со всех ценностных точек зрения всё имеет свое основание» (Husserl, 1988, p. 356f). И здесь мы находим гуссерлевский вариант ответа на ключевой вопрос взаимосвязи волевого (эмпирического) и разумного (теоретического) начал в ситуации свободного выбора. Гуссерль разъясняет специфику этой взаимосвязи в терминах феноменологического анализа актов сознания: «Высшее практическое благо... является коррелятом, а точнее, значимым коррелятом тетического воления. Тетическое воление есть акт, практическое благо есть 'содержание'» (Husserl, 1988, p. 356f). Гуссерль при этом объясняет категоричность и обязательность требования неизменностью (категоричностью) корреляции предмета акту — именно она выступает основанием для «правильного выбора». Поскольку каждому волевому акту сущностно принадлежит соответствующая ему материя, в зависимости от которой определяется тот или иной предметный коррелят, любой разумный субъект вынужден будет признать, что определенный характер материи обязывает его выбрать в конкретной ситуации именно такое «практическое благо», а не какое-то другое, поскольку в случае с данной материей оно — наилучшее из возможных (Husserl, 1988, p. 138). В результате переосмысления кантовского императива Гуссерль приходит не к отказу от него, но к новой его формулировке: «Осуществляй воление и поступай разумно! Если твое воление правильно, оно, тем не менее, еще не ценно; ценно лишь разумное воление» (Husserl, 1988, p. 153). Или иначе: «Делай лучшее из достижимых благ в пределах твоей ситуативной практической эмоциональной сферы» (Husserl, 1988, p. 142).

Идеальная практическая сфера и материальные аргіоі

Важным отличием гуссерлевской формулировки категорического императива является указание на конкретные обстоятельства, задающие лучший выбор и тем самым релятивирующие лучшее благо («лучшее из достижимых»). В этой связи Гуссерль говорит уже не об абсолютном долге, но о возможности существования некой «идеальной, совершенной практической сферы деятельности», которая коррелятивна «возможному идеальному субъекту», руководствующемуся в своей деятельности «объективно лучшим и благим» (Husserl, 1988, p. 142). Говоря о «совершенной правильности воли», на которую должен ориентироваться действующий субъект, Гуссерль как раз и подразумевает то ограничение практической сферы и ту всеобщую обязательность, за которые он в свое время критиковал Канта: «...совершенная правильность воли является идеей, которая основывается

на идее практической сферы, на идее лучшего в этой сфере, и все фундирующие идеи, а тем самым и фундированные законы подчинены идеальным законам, согласно которым четко установлено, что если субъект действует правильно, любой другой субъект должен действовать точно так же...» (Husserl, 1988, p. 138). Однако существенным отличием здесь является то, что, по замыслу раннего Гуссерля, эта «фундирующая идея» не имеет трансцендентального, внеположного по отношению к опыту характера. Двигаясь в фарватере брентановской критики категорического императива за его чрезмерный формализм, Гуссерль, тем не менее, в отличие от Брентано был твердо убежден, что в самом этом, альтернативном формализму, конкретном содержании должны быть выявлены некие «материальные законы», имеющие априорный характер и коррелирующие с априорностью формальных законов. Таким образом, в результате гуссерлевской критики Канта проблема переформулируется в других терминах, что можно было лаконично выразить в следующем (близком Канту) виде: «Как возможно материальное априори практического воления?» (Husserl, 1988, p. 38ff)¹⁹.

Для обнаружения материального а priori Гуссерль осуществляет логическую и математическую формализацию этики. Детальный анализ процесса формализации и его результатов был представлен нами в другой работе²⁰. Здесь лишь кратко напомним важный в контексте нашего рассмотрения результат: логическая и математическая формализация этики так и не позволила Гуссерлю придать ей статус строгой, априорной науки. Так, по отношению к материальным предложениям, в которых высказываются о конкретных практических ценностях, математически формализованная этика выступает в качестве формальной дисциплины, а по отношению к формальной логике она по-прежнему остается материальной (Husserl, 1988, p. 140). Это означает, что в рамках первого проекта практической философии («научная этика») Гуссерлю так и не удалось найти убедительное альтернативное решение ключевой этической дилеммы, перед которой оказалась мысль Канта — примирить универсальное, априорное, обязательное наилучшее (*das Beste*) с конкретной, практической ситуацией выбора.

Заключение

Подводя предварительный итог нашему исследованию, прежде всего отметим, что для первого проекта практической философии Э. Гуссерля («научной этики») наследие И. Канта имеет определяющее значение: как в виде критического переосмысления, так и прямого заимствования ряда идей, предпосылок и проблем. Гуссерль демонстрирует сходное с Кантом понимание характера взаимосвязи между теоретическим и практическим разумом: первый имеет приоритет перед вторым и выступает в роли его фундирующего онтологического и гносеологического основания. Симптоматично в этом смысле стремление обоих мыслителей достичь парадигмальной «чистоты» практического разума и установить его универсальные а priori по образу и подобию теоретического разума. Эту цель Кант и Гус-

¹⁹ Эту формулировку можно рассматривать как гуссерлевскую версию кантианской постановки задачи обоснования этики, которое, как мы помним, зависит от решения вопроса о том, каким образом категорический императив возможен в качестве синтетического суждения а priori.

²⁰ См.: (Лаврухин, 2007).

серль пытаются достичь схожими методами — путем развития идеи параллелизма логики и этики, позволяющей рационализировать склонное к «патологической аффектации» воление и придать категорическому императиву должную обязательность и нормативную силу. Примечательно, что в итоге оба мыслителя оказываются перед лицом схожих проблем, являющихся, по меткому замечанию Канта, «настоящим камнем преткновения для философии». В то же время наряду со сходствами между проектами практической философии Канта и Гуссерля имеются существенные различия. Прежде всего, речь идет о различии установок — трансценденталистской И. Канта и феноменолого-дескриптивной раннего Э. Гуссерля. Именно это фундаментальное расхождение лежит в основании различий между кантианскими формальными и гуссерлианскими материальными а priori, между разумным волением Канта и телическими актами воли Гуссерля, между абсолютной и относительной обязательностью категорического императива. Принимая во внимание эволюцию феноменологического проекта практической философии Гуссерля — в частности, тот факт, что «Идеи I» (1913) открывают новый период трансцендентальной феноменологии, для которого трансцендентальное измерение сознания обретает приоритетный ранг и значение, — вопрос о глубине и характере влияния Канта на практическую философию Гуссерля сохраняет свою остроту и актуальность. Рассмотрение этого вопроса в ходе сравнительного анализа практической философии Канта и второго проекта («универсальной этики») практической философии Гуссерля могло бы стать задачей дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Гулыга А. В. Кант. М., 1977.
2. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М., 1986.
3. Гусейнов А. А. История этических учений. М., 2003.
4. Гусейнов А. А. Этика Канта в историческом контексте. М., 2004.
5. Гуссерль Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания. М., 2001.
6. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения на немецком и русском языках. М., 2006. Т. 2, ч. 1.
7. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Сочинения на немецком и русском языках. М., 1997. Т. 3.
8. Кант И. Критика практического разума // Сочинения на немецком и русском языках. М., 1997а. Т. 3.
9. Кант И. Метафизика нравов. Метафизические начала учения о праве // Сочинения на немецком и русском языках. М., 2014. Т. 5, ч. 1.
10. Кюнг Г. Brentano, Гуссерль и Ингарден об оценивающих актах и познании ценностей // Логос. 1995. № 6. С. 117–123.
11. Лаврухин А. В. К вопросу о влиянии философии Канта на гуссерлевскую модель конституции // Философия Канта и современность : матер. конф. М., 2004. С. 11–21.
12. Лаврухин А. В. Практическая философия Эдмунда Гуссерля: проект научной этики // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. 2007. № 2–3/07. С. 24–41.
13. Мехед Г. Н. Мораль как абсолютный предел разума в этике И. Канта // NB: Философские исследования. 2014. № 5. С. 17–44.
14. Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М., 1998.
15. Писарчик Л. Ю. Проблема познания ценностей и концепция науки в феноменологии Э. Гуссерля // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 1 (120). С. 71–80.

16. Рикер П. Кант и Гуссерль. Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск, 1998.
17. Столович Л.Н. И. Кант и проблема ценности // Кантовский сборник. 2009. №2. С. 20–30.
18. Cobet T. Husserl, Kant und die praktische Philosophie. Analysen zu Moralität und Freiheit. Würzburg, 2003.
19. Funke G. Kant und Husserl. Vom Primat der praktischen Vernunft. Teil 3 (Husserl) // Perspektiven der Philosophie. 1983. № 9. S. 199–215.
20. Grondin J. Zur Phänomenologie des moralischen 'Gesetzes'. Das contemplative Moment der Erhebung in Kants praktischer Metaphysik // Kant-Studien. 2000. № 91. S. 385–394.
21. Heimsoeth H. Zum kosmologischen Ursprung der Kantischen Freiheitsantinomie // Kant-Studien. 1966. № 57. P. 206–229.
22. Husserl E. Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft // Husserliana 17 / ed. by P. Janssen. The Hague, 1974.
23. Husserl E. Logische Untersuchungen. Erster Teil // Husserliana 18 / ed. by E. Holenstein. The Hague, 1975.
24. Husserl E. Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. Vorlesungen 1906/07 // Husserliana 24 / ed. by U. Melle. The Hague, 1985.
25. Husserl E. Aufsätze und Vorträge (1911-1921) // Husserliana 25 / ed. by T. Neon and H. R. Sepp. The Hague, 1986.
26. Husserl E. Vorlesungen über Ethik und Wertlehre (1908-1914) // Husserliana 28 / ed. by U. Melle. The Hague, 1988.
27. Kern I. Husserl und Kant. Eine Untersuchung über Husserls Verhältnis zu Kant und zum Neukantianismus. Den Haag, 1964.
28. Melle U. Einleitung des Herausgebers // Husserliana 28 / ed. by U. Melle. The Hague, 1988.
29. Morrison R. P. Kant, Husserl and Heidegger on time and the unity of «consciousness» // Philosophy and Phenomenological Research. 1978. Vol. 39, № 2.
30. Patzig G. Die logischen Formen praktischer Sätze in Kants Ethik // Ethik ohne Metaphysik. Göttingen, 1971. P. 101–127.
31. Rinofner-Kreidl S. Husserl's critique of Kant's categorical imperative // Epistemology, Archeology, Ethics: Current Investigations of Husserl's Corpus / P. Vandavelde & S. Luft (eds.). L. ; N. Y., 2010. S. 188–210.
32. Schuhmann K. Husserl-Chronik: Denk- und Lebensweg Edmund Husserls. Husserliana-Dokumente I. Den Haag, 1981.
33. Spahn Ch. Phänomenologische Handlungstheorie. Edmund Husserls Untersuchungen zur Ethik. Würzburg, 1996.

Об авторе

Андрей Владимирович Лаврухин – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, alavruhin@hse.ru

KANT'S AND HUSSERL'S PRACTICAL PHILOSOPHY

A. V. Laurukhin

This article focuses on the problem of reconciling a priori and empirical dimensions of freedom, will, and action as the crucial point for understanding the relationship between theoretical and practical reason in Kant's and Husserl's practical philosophy. Relying on the explanation of the relationship between transcendental and practical freedom given in Kant's practical philosophy, the author problematizes Kant's thesis about the primacy of practical reason. This is the starting

point and leitmotif in analysing the nature of revision of Kant's ideas, premises, and problems in the first draft of Husserl's practical philosophy (scientific ethics). Comparative analysis reveals terminological and conceptual similarities and differences between Kant's and Husserl's practical philosophies. Another important result is identifying the principles and departure point ideas for both thinkers. These are a shared understanding of the relationship between theoretical and practical reason, the principle of the 'purity' of moral motives and compulsoriness of the a priori, the idea of parallelism between logic and ethics, the interaction between will and mind, and the determining role of the categorical imperative. The author stresses that an adequate understanding of the thinkers' positions requires distinguishing between Kant's transcendentalist perspective and Husserl's phenomenological descriptive perspective, between the a priori of pure reason and the material a priori, between good will as a duty and the thetic acts of will, and between the absolute and relative compulsoriness of the categorical imperative. At the same time, the possibility of reconciling the obligatory and a priori greatest good with a concrete, practical situation of choice remains an open question.

Key words: practical and transcendental freedom, categorical imperative, scientific ethics, material a priori.

References

1. Gulyga, A. V. 1977, *Kant* [Kant], Moscow, 304 p.
2. Gulyga, A. V. 1986, *Nemezkaia klassicheskaia filosofija* [German classical philosophy], Moscow, 334 p.
3. Gusejnov, A. A. 2003, *Istorija eticheskikh uchenij* [History of ethical doctrines], Moscow, 911 p.
4. Gusejnov, A. A. 2004, *Etika Kanta v istoricheskom kontekste* [Kant's Ethics in historical context], Moscow, *Materiali konferencii RAGS pri Presidente RF "Folosifija Kanta"* [Materials of the RAGS conference by the President of the Russian Federation "Philosophy of Kant"], available at: <http://www.guseinov.ru/conf/kant2.html> (accessed 14 May 2017).
5. Gusserl, E. 2001, *Logicheskie issledovanija. Issledovanija po fenomenologii i teorii posnaniia* [Logical Investigations, called Investigations in Phenomenology and Knowledge], Moscow, 470 p.
6. Kant, I. 2006, *Kritika chistogo rasuma*, in: Kant I. *Sochinenija na nemezkom i russkom jazikah* [Critique of Pure Reason. In: Kant I. Works in German and Russian], Moscow. Volume II, Ch.1.
7. Kant, I. 1997, *Osnovopolozenie k metafisike npravov*, in: Kant I. *Sochinenija na nemezkom i russkom jazikah* [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. In: Kant I. Works in German and Russian], Moscow. Volume III.
8. Kant, I. 1997a, *Kritika praktičeskogo rasuma*, in: Kant I. *Sochinenija na nemezkom i russkom jazikah* [Critique of Practical Reason. In: Kant I. Works in German and Russian], Moscow. Volume III.
9. Kant, I. 2014, *Metafizika npravov. Metafizicheskie nachala učenija o prave*, in: Kant I. *Sochinenija na nemezkom i russkom jazikah* [The Metaphysics of Morals. Doctrine of Right. In: Kant I. Works in German and Russian], Moscow. Volume V. Part I.
10. Kjung, G. Brentano, Gusserl I Ingarden ob ozenivajuchih aktah i posnanii zennostej [Brentano, Husserl and Ingarden about evaluating acts and knowledge of values], *Filosofsko-literaturnij zurnal "Logos"* [Philosophical and literary journal "Logos"], no. 6, p. 117–123.
11. Lavruhin, A. V. 2004, *K voprosu o vlijanii filosofii Kanta na gusserlevskuju modelj konstitucii* [To the question about the influence of Kant's philosophy on the Husserl model of the constitution], *Materiali konferencii "Filosofija Kanta I sovremennostj"* [Materials of the conference "Kant's Philosophy and Modernity"], Moscow, p. 11–21.
12. Lavruhin, A. V. 2007, *Praktičeskaja filosofija Edmunda Gusserlja: project nauchnoj etiki* [Practical Philosophy by Edmund Husserl: a project of scientific Ethics], *Vestnik RGGU. Serija "Folosifija. Soziologija"* [Bulletin of the RSUH. Series "Philosophy. Sociology"], Moscow, no. 2–3/07, p. 24–41.
13. Mehed, G. N. 2014, *Moralj kak absolutnij predel rasuma v etike I. Kanta* [Morality as the absolute limit of reason in the ethics of I. Kant], *NB: Filosofskie issledovanija* [NB: Philosophical Investigation], Moscow, no. 5, p. 17–44.

14. Molchanov, V.I. 1998, *Vremja i soznanie. Kritika fenomenologičeskoj filosofii*. [Time and consciousness. Critique of the phenomenological philosophy, Moscow.
15. Pisarchik, L.U. 2011, *Problema posnanija zennostej i koncepcija nauki v fenomenologii E. Gusserla* [The problem of knowledge of values and the concept of science in the phenomenology by E. Husserl], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], Orenburg, no. 1(120)/January, p. 71 – 80.
16. Riker, P. 1998, *Kant i Gusserl. Intenzionalnost i tekstualnostj. Foloosfskaja mislj Franzii XX veka*. [Kant and Husserl. Intentionality and textuality. Philosophical thought in France in the XX century] Tomsk.
17. Stolovich, L.N. 2009, *I. Kant i problema zennosti* [I. Kant and the problem of value], *Kantovskij sbornik* [Kant's collection], no. 2, p. 20–30, available at: https://journals.kantiana.ru/kant_collection/350/ (accessed 15 May 2017).
18. Cobet, T. 2003, *Husserl, Kant und die praktische Philosophie. Analysen zu Moralität und Freiheit*. Würzburg.
19. Funke, G. 1983, *Kant und Husserl. Vom Primat der praktischen Vernunft, Teil III (Husserl)*. In: *Perspektiven der Philosophie*, Bd. 9, S. 199 – 215.
20. Grondin, J. 2000, *Zur Phänomenologie des moralischen 'Gesetzes'. Das contemplative Moment der Erhebung in Kants praktischer Metaphysik*. In: *Kant-Studien* 91 (2000), S. 385 – 394.
21. Heimsoeth, H. 1966, *Zum kosmologischen Ursprung der Kantischen Freiheitsantinomie*, *Kant-Studien*, no. 57, p. 206 – 229.
22. Husserl, E., 1974. *Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft*. In: P. Janssen, ed. 1974. *Husserliana 17*. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers.
23. Husserl, E., 1975. *Logische Untersuchungen. Erster Teil*. In: E. Holenstein, ed. 1975. *Husserliana 18*. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers.
24. Husserl, E., 1985. *Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. Vorlesungen 1906/07*. In: U. Melle, ed. 1985. *Husserliana 24*. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers.
25. Husserl, E., 1986. *Aufsätze und Vorträge (1911-1921)*. In: T. Nenon and H.R. Sepp, eds. 1986. *Husserliana 25*. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers.
26. Husserl, E., 1988. *Vorlesungen über Ethik und Wertlehre (1908-1914)*. In: U. Melle, ed. 1988. *Husserliana 28*. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers.
27. Kern, I. 1964, *Husserl und Kant. Eine Untersuchung über Husserls Verhältnis zu Kant und zum Neukantianismus*. Den Haag.
28. Melle, U., 1988. *Einleitung des Herausgebers*. In: U. Melle, ed. 1988. *Husserliana 28*. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers.
29. Morrison, R. P. 1978, *Kant, Husserl and Heidegger on time and the unity of «consciousness»*, in: *Philosophy and Phenomenological Research*. Buffalo, vol. XXXIX, no. 2.
30. Patzig, G., 1971. *Die logischen Formen praktischer Sätze in Kants Ethik*. In: *Ethik ohne Metaphysik*, Göttingen, p. 101 – 127.
31. Rinofner-Kreidl, S. 2010, *Husserl's critique of Kant's categorical imperative*. In: P. Vandavelde & S. Luft (eds.) *Epistemology, Archeology, Ethics: Current Investigations of Husserl's Corpus*. London/New York. S. 188 – 210.
32. Schuhmann, K., 1981. *Husserl-Chronik: Denk- und Lebensweg Edmund Husserls*. In: *Husserliana: Edmund Husserl Dokumente 1*. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, Dordrecht.
33. Spahn, Ch., 1996. *Phänomenologische Handlungstheorie. Edmund Husserls Untersuchungen zur Ethik*, Würzburg.

About the author

D. Andrei Lavrukhin, St. Petersburg School of Social Sciences and Humanities, National Research University Higher School of Economics, Russia, alavruhin@hse.ru